

Шен Бекасов

СЕМЬ СЛОВ

Рассказы

16+

Шен Бекасов

Семь слов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57239796
SelfPub; 2020*

Аннотация

Сборник рассказов разных жанров и разных лет (1992-2013) от автора дважды успешно издававшегося цикла юмористических рассказов "Банковская тайна". Шен Бекасов смело смешивает в коротком формате рассказа элементы комедии и трагедии, научной фантастики и мелодрамы, зачастую приводя сюжет к неожиданному финалу. Хотя чтение будет недолгим, но читатель за это время успеет погрузиться в десяток различных миров и человеческих судеб.

Содержание

Шуба	4
1	4
2	7
3	9
4	11
5	13
6	15
7	18
8	19
Рома-Ромео	22
Амнезия	29
Семь слов	47
1	48
2	49
3	50
4	52
5	53
6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Шуба

1

Продолжая беседовать, они повернули в неприметный боковой коридорчик. Сан Саныч усмехался, не скрывая иронии к собеседнику. Тот, впрочем, в долгу не оставался и тоже демонстрировал терпеливую снисходительность.

– ...иначе происходит застой с последующим загниванием! – провозгласил собеседник Сан Саныча, продолжая начатую мысль. – Они доиграются до прорыва этого отвратительного гнойного нарыва...

– Фу, – поморщился Сан Саныч. – Ну и метафоры у вас!

– Уж какие есть! Бунт в России сами знаете какой бывает, читали классику? Грязный и кровавый...

– Там не так сказано, – возразил Сан Саныч.

– Да я не цитирую! – отмахнулся его собеседник. – Я вам про необходимость деятельного сопротивления толкую...

– Всё это старым-старо, повторено до зубовного скрежета и уже поташнивает, если честно! – заявил Сан Саныч. – Все пекутся о народном благе, а народ устал от вас, благодетелей... Придёте к власти, начнёте передел...

– Я понимаю, что в нашей дискуссии вы вынуждены занимать роль равнодушного обывателя, но что ж вы прямо так

банально, словно тупой официальный пропагандист! – Собеседник Сан Саныча укоризненно покачал головой. – Вам-то что до передела? Скоро делить-то и нечего будет, уже всё национальное богатство профукали...

– Да вы и сами неоригинальны со своим «месседжем», – засмеялся Сан Саныч и услышал в ответ не менее благодушный смех.

Через минуту Сан Саныч остановился, а его спутник начал озираться.

– Ну что, здесь? – поинтересовался он.

– Ага. – Сан Саныч кивнул, достал из планшета несколько скреплённых листов бумаги и, прокашлявшись, начал читать вслух: – Именем Российской Федерации...

Спутника Сан Саныча аж передёрнуло:

– Голубчик, прошу вас, не надо! Я этот приговор уже читал и слышал неоднократно... Там почти вся двадцать девятая глава плюс закон «О суверенной демократии»... Как вы там говорили? «Повторено до зубовного скрежета и уже поташнивает»?

Они снова посмеялись.

– Ну что ж, думаю, можно без формализма, – решил Сан Саныч и убрал лист с приговором обратно в планшет. – Курить хотите?

– Да я не курю, – признался приговорённый с грустной улыбкой. – Сейчас жалею...

– Ну тогда не будем тянуть, – рассудил Сан Саныч. – От-

вернитесь.

Пока приговорённый медленно разворачивался лицом к стене, Сан Саныч неторопливым, но отработанным движением достал пистолет из кобуры, одновременно снимая его с предохранителя, сделал пару шагов назад, аккуратно прицелился в затылок приговорённого и плавно нажал на спусковой крючок.

2

Начальство было в благодушном настроении. Сан Саныч начальство не любил (а кто ж его любит?), но, раз уж избежать вызова не удалось, самым предпочтительным настроением начальства было именно такое – когда Сан Саныча называли Сан Санычем.

– Сан Саныч, ты же знаешь, как я ценю твою работу, – доверительно проговорило начальство. – Ты у нас настоящий профессионал, каких мало. Слышал, что тебя называют Гильотиной? За безупречное исполнение наказаний...

С совершенно неподвижным лицом Сан Саныч терпеливо слушал начальство. Все эти похвалы были не к добру. И какая сволочь в их подразделении выдумывает всякие идиотские прозвища?

Наконец, начальство перешло к сути.

– Про тебя, Сан Саныч, спрашивал полпред, прикреплённый к нашей ячейке «Патриотического фронта». Интересовался твоими контактами с осуждёнными. Дескать, много ты с ними разговариваешь...

Начальство смотрело выжидающе, но Сан Саныч обычно старался только отвечать на вопросы и не поддаваться на всякие подтексты и намёки, в которых он всегда чуял провокацию.

– А я ему и говорю, – продолжило начальство, – что ты

осуществляешь сбор информации. Перед последним коридором чего только люди не наговорят... интересного...

Сан Саныч оставался молчаливым и неподвижным.

– А что касается того, что ты пока ни разу ни о чём таком интересном не доложил, – так это дело случая, вопрос удачи... Если бы было что-то интересное, ты бы сразу доложил... Ведь доложил бы, Сан Саныч?

– Так точно! – немедленно отозвался Сан Саныч, услышав наконец вопрос.

– Вот я так и объяснил, – удовлетворённо заключило начальство. – Общение с осуждёнными производится с исключительно благонадёжными целями в целях дополнительного дознания... Ведь правильно объяснил, как думаешь, Сан Саныч?

– Так точно!

3

После дневного молебна они, как обычно, расселись в комнате отдыха. Сан Саныч устроился на своём любимом месте у окна. В то время как остальные его коллеги занимали себя привычными способами (свежий номер «Российской газеты» с передовицей «Бессильная злоба Европы», далеко не самый свежий номер журнала «Охота и рыбалка», радио в наушниках, изношенная колода карт), Сан Саныч закинул ноги на подлокотник и уставился в облачное небо. Был задан дежурный вопрос о том, о чём на этот раз мечтает Сан Саныч. Были выдвинуты далеко не оригинальные версии о бабах, деньгах и полёте в космос. Сан Санычу пришлось ответить: в этот раз он «отмазался» жалобой на предстоящий день рождения жены и связанную с ним необходимость абстрактного размышления об уместном подарке. Ему был дан совет прислушиваться к «хотелкам» супруги. Сан Саныч возразил в том смысле, что ему нужен прилив креатива как раз для того, чтобы придумать, как избежать исполнения заветного желания жены.

В ответ на последовавшие пошлые остроты Сан Саныч коротко пояснил:

– Шуба.

Острот больше не было. Только искреннее сочувствие.

Кто-то открыл любимую профессиональную тему:

– Слышали, только в нашем округе четыре «вышки» присудили.

– После «стотысячника» «Патриотического фронта» попробовали бы они не присудить...

– Штабист мне шепнул, что ставки за исполнение повысят в три раза. За повышенный риск...

– Оно бы, конечно, не помешало!

– Так опять Санычу почти всех распишут!

– Слышь, Саныч, ты бы поделился баблом-то, а? Куда тебе столько?

– Сказали же тебе – шуба...

Сан Саныч отмалчивался, улыбаясь то ли виновато, то ли издевательски.

4

Перед завершением рабочего дня Сан Саныч зашёл в медсанчасть.

– Где он? – коротко спросил он у хмурого полковника медицинской службы.

Тот мотнул головой в сторону последней двери по коридору и процедил сквозь зубы:

– Там же, куда ты его и притащил. Пришлось вколоть успокоительного: обосрался весь, убирать-то самому пришлось... Весь в дерьме, твою мать...

Сан Саныч сочувственно похлопал медика по плечу и направился в указанное помещение. Войдя, он ощутил запах и поморщился.

– О господи, это вы! – Тот, кому сегодня Сан Саныч стрелял в затылок, соскочил с койки и бросился к нему. – Я тут места себе не нахожу! Оглох на оба уха... Я не ожидал, что вы действительно будете стрелять... Но вообще, конечно, остроумно придумано... Я ведь и вправду не мог не упасть... Наверняка же у вас там видеонаблюдение... Но вы же здорово рисковали... Зря я в вас сомневался...

Сан Саныч терпеливо ждал, когда приговорённый выговорится. Он так про себя это и называл – «выговор приговорённого». Филологи, наверное, оценили бы...

Через полчаса он вывел приговорённого техническими

коридорами к задним воротам спецобъекта и далее за периметр. По пути следования никто им не встретился, даже на КПП. Ещё через десять минут Сан Саныч посадил своего подопечного в автомобиль, который подъехал к ним прямо в переулке. Проводив взглядом отъезжавшую машину, пока она не скрылась из вида, Сан Саныч взглянул на часы и неторопливым шагом направился к месту назначенной встречи.

5

В этом пивном баре Сан Санычу не нравилось. И собеседник не нравился. Только испытывать друг к другу симпатию им не требовалось. Разговор был исключительно деловой. Это была очередная встреча со Связным, как называл его для себя Сан Саныч не без сарказма.

– Это уже третий, вы прямо молодец, – без малейших признаков восхищения, благодарности или хотя бы удовлетворённости сказал Связной.

Сан Саныч ничего не ответил, просто ждал.

– Ну да, вы здесь не ради похвал, – спохватился собеседник Сан Саныча. – Уверены, что хотите и дальше получать российскими рублями, наличными?

– Я патриот, – коротко ответил Сан Саныч. – Россияне должны хранить деньги в России.

– Ну-ну, – неопределённо отозвался Связной. – На самом деле понимаю вас. Вам же надо делиться с остальными? А рублёвый кэш вызывает меньше всего вопросов...

Сан Саныч никак это не прокомментировал, и бесстрастное выражение его лица не изменилось.

– Пакет под столом, – буркнул Связной. – Как договаривались. Пересчитывать будете?

Сан Саныч отрицательно покачал головой.

– Даже палачи у нас продажные, – пробормотал Связной,

поднимаясь.

– Вы зря так себя ведёте, – сказал Сан Саныч, глядя исподлобья.

– Ой, а вы обиделись? – наигранно всплеснул руками Связной с кривой ухмылкой. – Знаете что? Вы можете казаться героем для этих несчастных «смертников», но мы-то вас знаем. Никаких идей, только корысть...

– Профессионализм требует хороших денег. И в спасательных операциях... – Сан Саныч усмехнулся в ответ, – и в революционном подполье.

– Про революционное подполье – это вы хорошо меня подкололи, я оценил. – Связной фыркнул, пнул ногой пакет под столом в сторону Сан Саныча и ушёл.

6

Сан Саныч не торопился нагибаться к пакету и терпеливо ждал. Ногой он аккуратно отодвинул пакет к стенке, подальше от прохода. Минут через двадцать пришёл Куратор и сел напротив Сан Саныча.

– Всё в порядке? – не здороваясь, спросил Куратор.

– Да. – Сан Саныч кивнул и указал подбородком под стол. – Я не трогал.

– Это ты правильно, – одобрил Куратор, наклоняясь и с кряхтеньем вытаскивая пакет. – От каждого по способностям, каждому по труду...

– Скажите, я должен беспокоиться из-за вопросов моего начальства? – спросил Сан Саныч.

Куратор прищурился и ответил:

– Не должен. А что ему вдруг взбрело задавать вопросы? О чём?

– Да партийные его спрашивают...

– А вот это плохо, – помрачнел Куратор. – Если в цепочку влезут партийные, то дело наше станет нерентабельным... Заграница такие суммы может и не потянуть...

– Всё может и раньше закончиться. – Сан Саныч вздохнул. – Трое – в это ещё как-то верится. А вот в героический конвейер – с трудом.

– Ты над стратегией голову не ломай, – посоветовал Кура-

тор. – Голова-то может и заболеть ненароком. – Куратор помолчал, глядя на пакет. – Конвейер, говоришь? Конвейер-то перспективный. Для таких, как ты... передовиков-исполнителей. Для таких, как я... смотрящих... чтобы у исполнителей всё получалось как надо. Для таких, как этот лох-подпольщик, который тебе пакеты носит, да явно не всё доносит. Для тех, кто эти пакеты добывает у ЦРУ и пилит там «излишки» между собой. Для ЦРУ, которое докладывает своему начальству об успехе дорогостоящих спецопераций против «кровавого режима»...

– А потом что-то идёт не так, после чего сливают передовиков-исполнителей, – мрачно добавил Сан Саныч. – И появляется перспективное показательное дело об очередном «обороте в погонах»...

– Ты чем-то недоволен? – неприятным тоном осведомился Куратор.

Сан Саныч промолчал.

– То-то же. Если не хочешь в Краснокаменске на вышке стоять, то не гунди. Сольют – не сольют... Это уж как по жизни случается. Знаешь, как при переходе улицы: собьют – не собьют. Те же риски. Только здесь понятно, ради чего рискуешь. – Куратор поглядел на часы. – Ладно, некогда мне тут среди тебя разъяснительную работу проводить. Ты вот только запомни: если бы там (указательный палец вверх) хотели бы, чтобы мы дело делали по уставу, так зарплата у нас с тобой была бы другая, и я бы с тобой тут пакеты не мусо-

лил. А так – крутись как можешь, только делиться не забывай. Тогда и мы на жизнь не жалуемся, но и посадить нас есть за что! На том у нас «вертикаль» всегда и держалась. – Куратор хохотнул. – Да не кисни ты, свою долю получишь как обычно.

После ухода Куратора Сан Саныч заказал себе водки.

Жена подозрительно принюхалась уже в прихожей.

– Пил, – немедленно признался Сан Саныч. – Отмечали будущую премию.

Упоминание премии сразу нейтрализовало негативный аспект вечернего общения супругов. Более того, к ужину была раскупорена бутылка дорогого виски, предназначавшаяся «для особых случаев».

– Дорогой, а ты уже купил мне подарок на день рождения? – кокетливо поинтересовалась несколько захмелевшая жена Сан Саныча.

– Мы с тобой вместе поедем его выбирать, – с готовностью ответил Сан Саныч заговорщическим тоном.

Оба прекрасно поняли друг друга. Собственно, этот код был известен заранее: премия – значит, шуба.

Сан Саныч ворвался в кабинет начальства и обнаружил в нем Свяznego и Куратора. Прежде чем те в смятении установились на нежданного гостя, Сан Саныч успел заметить разложенные пачки денежных купюр на столе, за которыми уютно устроились все трое.

– Да ты охренел... – грозно начало начальство, поднимаясь в своём кресле, но осеклось, обнаружив в руке у Сан Саныча пистолет. В связи с этим начальству пришла в голову другая мысль: – Случилось что? ЧП?

– Да, мать вашу, ЧП, – процедил Сан Саныч и выстрелил начальству прямо в лицо.

Связной и Куратор, забрызганные кровью и ошмётками плоти, в ужасе смотрели на Сан Саныча. А Сан Саныч смотрел на них. Надо что-то сказать им, прежде чем убить, подумал Сан Саныч.

– Вы сволочи, – сказал им Сан Саныч. – А я устал. Отвернитесь.

И он короткими экономными движениями сделал два выстрела в дрожащие затылки.

Испачканные купюры он выбросил в окно, за которым во дворе ревела толпа...

Сан Саныч начал задыхаться и проснулся. Судорожным движением он схватил телефон с тумбочки и взглянул на

экран – без пяти минут полночь. От крепкого спиртного Сан Саныча и его жену всегда тянуло в сон, и они легли спать сразу после затянувшегося ужина. Получается, он поспал всего час.

– Приснится же... – пробормотал Сан Саныч и прислушался к своим ощущениям.

Правая рука всё ещё чувствовала привычную тяжесть табельного оружия, и мышцы ещё реагировали на отдачу от выстрелов, но это был морок: верный ПМ был заперт в сейфе. Сан Саныч прикоснулся ко лбу и с удивлением обнаружил, что он весь в испарине.

– Ну и сон, – прошептал Сан Саныч. – От выпивки, что ли?

Он поймал себя на том, что специально проговаривает вслух всплывающие в голове отрывочные мысли, чтобы отогнать реалистичное видение, отгородиться от только что прожитой сцены. Больше всего его напугала не яркая картинка и даже не остаточные ощущения в теле, а до сих пор испытываемое чувство ненависти к только что «убитой» им тройце. Что-то звало его ещё раз сделать эти три выстрела, и это вдруг стало казаться ему правильным.

– О Господи, – тихо произнёс Сан Саныч и истово трижды перекрестился, глядя в сторону угла, где висели образа. – Отче наш, Иже еси на небесех...

Но молитва не помогла успокоиться, искушение не покидало – хотелось если не броситься к сейфу за пистолетом,

то хотя бы уснуть и снова пережить сцену гневного возмездия. Тогда Сан Саныч примостился рядом со спящей женой, мерное дыхание которой действовало умиротворяюще. Он обнял её, уткнувшись лицом в её мягкое тёплое плечо.

– Шур, ты чего? – сонно отозвалась жена. – Спи...

– Гадость всякая снится, – прошептал он.

– А мне шуба снилась, – промурлыкала жена, чмокнув его в макушку. – Красивая такая, пушистая...

– Шуба? – Сан Саныч тихонько засмеялся. – Шуба – это здорово.

Он почувствовал, что его начало отпускать.

Они уснули, обнявшись.

2013

Рома-Ромео

...I have lost myself; I am not here;
This is not Romeo, he's some other where.

Шекспир, «Ромео и Джульетта»

– Наверное, уже лет десять прошло?

– Да уж, не меньше...

Рома залюбовался ею. Она выглядела шикарно. Нет, в самом деле – просто здорово. С последней их встречи и вправду прошло не меньше десятка лет – тогда им было всего лишь по семнадцать лет. В памяти Ромы она оставалась всё той же юной прелестницей. Конечно, те наивные и бесхитростные времена, когда любовь была неотделима от секса и любое взаимное прикосновение вызывало возбуждающую дрожь, давно уже были позади. Да и жизненные пути их разошлись буквально в течение года после выпускного вечера... Однако сейчас, глядя на сидящую перед ним красивую холеную женщину – узнаваемую, но уже иную, Рома невольно предавался воспоминаниям. Скорее даже не конкретным воспоминаниям, а неким смутным волнующим образам.

– Хорошо выглядишь, – сказала она, окидывая его уже не скрытым, а явно оценивающим взглядом.

– А уж ты-то... – проговорил в ответ Рома и, запнувшись в подборе слов, просто изобразил всем своим видом восхи-

щение – поднял брови, покачал головой и, чуть откинувшись назад, развёл руками.

Она оценила его манёвр и благосклонно засмеялась. Он с готовностью хохотнул в ответ. Возникшее у Ромы с первой минуты встречи какое-то щемящее чувство внутри как будто лопнуло и разлилось мягким теплом по всему телу.

– Удивительная встреча... – пробормотал Рома, бессмысленно улыбаясь.

– Да уж... – проговорила она, тоже улыбаясь как-то неопределённо.

Они сидели на высоких табуретах за стойкой бара в дорогом московском ресторане. Был вечер пятницы, было многолюдно, но не шумно.

– Ты здесь по делу? – поинтересовалась она.

– Можно сказать и так, – ответил Рома. – Жду своего босса. А ты?

– У меня здесь назначена встреча, – сообщила она и после маленькой паузы добавила: – Деловая.

Она пила минеральную воду. Он пил апельсиновый сок. Оба пили медленно и очень маленькими глотками.

– Чем занимаешься? – спросила она.

– Личный помощник одного банкира, – уклончиво, но не без многозначительного самодовольства ответил Рома.

– Вот как! – удивлённо произнесла она. – Ты – помощник? Типа секретаря-референта? Вот уж не подумала бы...

– У него есть секретарь-референт, – обиделся Рома. – А я

– помощник, понимаешь? Personal assistant.

– По особым поручениям? – не без иронии уточнила она.

– Можно и так сказать...

Рома насупился. Его профессиональная гордость была задета. Ему как-то не приходило в голову, что его недавнее карьерное достижение (из обычных телохранителей – да в личные помощники!) может у кого-то вызвать пренебрежение и даже иронию. А обнаружить такое отношение именно с её стороны было обидно вдвойне.

– А ты чем занимаешься? – буркнул он.

– Работаю в модельном агентстве.

– Ты – модель? – изумился Рома.

– Иногда, – как-то странно ответила она и прищурилась. –

А что, непохожа?

– Да нет, я не в том смысле, – принялся оправдываться Рома. – Тебя хоть сейчас на обложку журнала! Просто посмотрелся я на этих моделей... Обычно это молоденькие нескладные дылды, дуры дурами...

– Таких большинство, – согласилась она и вздохнула. – И с ними очень трудно конкурировать! А чего это вдруг ты с моделями якшаешься?

– Особые поручения, – уклончиво отозвался Рома и не удержался: – С кем только не приходится общаться нам, секретарям-референтам...

Она миролюбиво положила свою ладонь поверх его ладони на барной стойке. Внутри у Ромы снова защемило.

– Не обижайся на меня! – воскликнула она. – Ну сморозила глупость... Всегда ты был обидчивый, Рома-Ромео...

– Ну вот, вспомнила... – проворчал Рома, но ему было чертовски приятно.

Рома-Ромео – так его дразнили ещё в школе за их романтические отношения, которые быстро перестали быть тайной для одноклассников. Вот странно – его за это обзывали, а ей никакого прозвища не придумали... Наверное, просто его имя и тогдашний возраст провоцировали на такое бесхитростное отождествление с шекспировским персонажем. Тогда было до слёз обидно и неловко, а сейчас это кажется одним из самых милых воспоминаний юности...

– Странно, почему для меня не придумали прозвища? – проговорила она задумчиво. Посмотрела на него и вдруг засмеялась. – Ты тоже об этом подумал?

– Да, – признался Рома.

Роме вспомнилось, что у них случалось не так уж редко думать об одном и том же. Каждый раз, выясняя это, они полагали, что вот оно – очередное подтверждение тому, как они идеально подходят друг другу.

– А помнишь, как ты однажды ночью пробрался к нам на дачу? – вдруг спросила она.

– Ещё бы! – Рома кивнул и усмехнулся, припоминая.

– Папа ведь запретил тебе приближаться ко мне. – Она вспоминала с явным удовольствием. – Но ты, как истинный страстный кавалер, скрытно проник в ночи к нам на дачный

участок...

– Было очень холодно, – заметил Рома. – И хорошо, что вы собаку не держали...

– Как же ты меня тогда напугал! Полез посреди ночи в окно...

– Если б закричала, твой отец меня прибил бы...

– Но я не закричала...

И они снова заулыбались друг другу – невнятно, но в то же время многозначительно. Оба вспоминали, как это было прекрасно – тайная любовь в её девической постели, в полной темноте, без единого звука, лишь прерывистое дыхание и еле слышный всхлип в подушку...

– Ах ты, мой Рома-Ромео, – негромко сказала она с нежностью. – Настоящий Ромео... Знаешь, я рада, что ты был моей первой любовью.

– Как же так вышло, что всё закончилось? – пробормотал Рома, глядя в сторону.

– Первая любовь всегда заканчивается...

– Всегда?

Наверное, во многих подобных ностальгических беседах наступает такой момент. Когда, сближаясь в воспоминаниях, нужно либо оттолкнуться обратно друг от друга и сохранить дистанцию, либо рискнуть нырнуть глубже...

Рому лишили этого выбора. Очень не вовремя зазвонил его мобильный телефон.

– Прости, это мой босс, – сообщил ей Рома, глядя на дис-

плей телефона. В трубку он сказал: – Да, я уже на месте. Вас когда ждать?

– Меня ждать не надо, – сказал ему банкир. – Я уже здесь.

– Где?

– Не верти головой. Выйди в холл.

Извинившись перед ней, Рома вышел в холл, где его нетерпеливо поджидал банкир.

– Вы не будете здесь ужинать? – осведомился Рома.

– Нет. – Банкир нервно дёрнул плечом. – Мне надо ехать в другое место. Ты, кстати, тоже едешь со мной. И вот что...

– Банкир достал из внутреннего кармана пиджака конверт и бумажник. – Вот, держи.

Из конверта была извлечена средних размеров фотография, из бумажника – несколько стодолларовых купюр.

– Найдёшь её в зале ресторана, – распорядился банкир, ткнув пальцем в фотографию. – Дай ей деньги и скажи, что она свободна. – Банкир развернулся и пошёл к выходу, бросив через плечо: – Давай побыстрее, жду в машине.

– Хорошо, босс.

Рома смотрел на фотографию.

Да, всё-таки она была очень красива. И на студийном фотоснимке тоже выглядела шикарно. Впору было вновь залюбоваться ею, но Роме вдруг стало тошно. На обороте фотокарточки он обнаружил основные данные о ней: имя, возраст, размеры, название агентства... И цену.

Одеревеневшей походкой Рома вернулся к стойке бара.

Положил перед ней купюры и без выражения сказал:

– Твою деловую встречу отменили.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

– Так вот какие у тебя особые поручения, – еле слышно прошептала она.

– Так вот какая ты модель, – так же тихо отозвался Рома.

Она забрала деньги со стойки, слезла с табурета и, указав на фотографию в его руке, сказала:

– Оставишь себе на память?

Рома молча усмехнулся.

– Ах, милый Рома-Ромео, – проговорила она, дотронувшись до его локтя. – Жаль, что так получилось.

– Мне тоже.

Он расплатился с барменом и ушёл, не оглядываясь. Фотографию выбросил в урну у крыльца ресторана.

Наверное, Роме хотелось вычеркнуть этот вечер из своей памяти, но не удалось. Смутные светлые образы юной прелестницы из милой истории о первой любви теперь невольно заслонялись отчётливым фотографическим изображением шикарной холёной модели, измеренной с точностью до сантиметра и оценённой с точностью до сотни долларов.

И эта подмена воспоминаний была, пожалуй, самой горькой и невозполнимой потерей его памяти.

Амнезия

Первое, что он почувствовал, – это были запахи. Много запахов, разных и смешанных. Как странно, подумал он. Почему только запахи? И что это за запахи?

Пахло нагретым деревом и одновременно какой-то затхлостью. Пахло свежим воздухом и одновременно пылью. Пахло чем-то горячим и одновременно прохладным.

Горячим и прохладным... Он не успел спросить себя, откуда у него берутся такие описания запахов, потому что появились другие ощущения. Он понял, что может чувствовать кожей. Лицу было тепло, а ногам холодно. А левой руке было больно. И голове было больно.

От боли он застонал и услышал самого себя. Я слышу, подумал он без особой радости, потому что было больно.

Наверное, от боли тело стало стремительно оживать. Стало вдруг понятно, что он сидит и сидеть ему очень неудобно. Он шевельнулся, чтобы устроиться получше, и стало ещё больнее. Тут же во рту пересохло и стало горько.

– Пить, – хрипло произнёс он.

И открыл глаза.

Странно, но первое, что он увидел, – тоже глаза. От неожиданности он отпрянул и стукнулся затылком о что-то твёрдое. Боли от ушиба он почти не заметил – слишком испугался, да и голова без того невыносимо раскальвалась.

Обладатель глаз напротив тоже отпрянул, и тогда стало видно, что это лицо пожилой женщины, удивлённое и встревоженное.

– Вы меня слышите? – громко спросила она, наклонившись к нему.

– И вижу, – недружелюбно отозвался он, потому что её голос немедленно отдался в голове самыми неприятными ощущениями.

– И видите, – потрясённо сказала женщина. Она была явно поражена происходящим, хотя было непонятно с какой стати. – Послушайте, вы посидите тут спокойно, а я сейчас вернусь, хорошо?

– Хорошо, – покорно ответил он. – Только дайте попить, пожалуйста.

– Заодно и попить принесу, – пообещала она. – Только сидите и не дёргайтесь... – Прозвучало это немного угрожающе, женщина сама это поняла и пояснила: – Вам вставать нельзя, так что просто посидите и подождите.

Она выпрямилась и как-то быстро скрылась из вида.

– Голова болит! – сообщил он ей вдогонку, обернувшись.

– Хорошо, хорошо, – сказала она и вышла.

Он успел заметить, что она была в белом халате. Врач? Медсестра? Ему стало тревожно. Всё это было непонятно, и надо было скорей разобраться что происходит.

Тогда он стал осматриваться.

Он находился на веранде. Это была самая обыкновенная

деревянная застеклённая веранда, залитая ярким солнечным светом. Действительно пахло нагретым деревом и действительно было какое-то ощущение гниловатой сырости. Солнечные лучи сквозь окна освещали и согревали только верхнюю часть помещения, а внизу царилась тень. Наверное, поэтому лицу было тепло, а по ногам веяло явственным холодком.

Он посмотрел, что творится за окном. Ничего особенного. Лес кругом. Сосны, ели, берёзы. На берёзах зелёная листва. Весна? Лето?

Наконец, он принялся осматривать себя, и стало ещё тревожнее. Он сидел в инвалидном кресле на колёсах. К вене на предплечье левой руки вела тонкая полупрозрачная гибкая трубка от капельницы, которая стояла здесь же рядом. Ноги его были укрыты пледом. Он торопливо откинул плед – ноги были на месте. Он внимательно оглядел себя. На первый взгляд всё было в порядке, разве что одет он был в дурацкую пижаму с изображением каких-то цирковых слоников.

Где я? – задал он себе вопрос. Чья-то дача? Больница?

Позади него раздались шаги. Он обернулся. На веранду вышли двое – седовласый старик с седыми же усами и в огромных очках на пол-лица и всё та же пожилая женщина, которая обещала принести попить. Старик тоже был в белом халате.

Откуда-то взялись стулья, и оба уселись перед ним. В правую руку ему сунули пластиковый стакан с водой, а в левую

– менzurку с небольшой белой таблеткой.

– Выпейте, – ласково сказал старик. – Чтобы голова не болела.

Он осторожно, следя за длинной жилой, ведущей от руки к капельнице, опрокинул в рот менzurку с таблеткой. Запил водой, жадными глотками опустошив стакан.

– Где я? – спросил он. – Что со мной?

– Хорошие вопросы, – одобрил старик, улыбнувшись. – Но давайте сначала познакомимся. Меня зовут Владимир Николаевич, я здесь главный врач.

– Так это больница?

– А это, – не обращая внимания на вставленный вопрос и указывая на женщину, продолжал старик, – Нина Андреевна, наша дежурная медсестра.

Нина Андреевна приветливо улыбнулась.

– Это больница? – настойчиво повторил он свой вопрос. – Что со мной?

– Ничего страшного, – заверил Владимир Николаевич.

– А что тогда? Что здесь? Почему?

– Не торопитесь с вопросами, – посоветовал Владимир Николаевич. – Давайте для начала разберёмся с более важным делом.

– Каким?

– Как вас зовут?

– Вы не знаете, как меня зовут? – удивился он. – Меня зовут...

Он умолк. Он молчал не меньше минуты. Он шарил взглядом по веранде, он пристально всматривался в лица людей в белых халатах, он задумчиво окидывал взглядом свои руки. Его терпеливо ждали.

– Я не помню, – прошептал он.

– Так, – с каким-то удовлетворением произнёс Владимир Николаевич. – Понятно.

– Что вам понятно?! Что происходит?! У меня а... а... как её...

– Амнезия, вы хотели сказать?

– Как-как?

– Амнезия. Вы это хотели сказать?

– Не знаю...

Владимир Николаевич сверкнул линзами очков, глянув на Нину Андреевну, и прокомментировал:

– Такие слова для него ещё сложноваты...

– Амнезия. Ам-не-зи-я. Слышали? Амнезия, амнезия, амнезия!

– Вы понимаете, что значит это слово?

– Амнезия?

Владимир Николаевич по-отечески положил ему руку на плечо.

– Ну-ну, успокойтесь. Вот и сейчас голова болеть перестанет... Нина Андреевна, позаботьтесь, пожалуйста...

Это было последнее, что услышал сидящий в инвалидной коляске человек, прежде чем уснул крепким сном без сно-

видений.

Уже не так больно.

Сначала страшно просыпаться, потому что помнишь, как было больно.

Но уже не так больно. А может быть, совсем не больно?

Откуда мне знать, больно или не больно? Может быть, это просто... эти... как их... ощущения. Так и должно быть. Это вовсе не больно. Новорождённый кричит не от боли, а от ощущений. От жизни. Н-да. Забавно. Откуда это у меня всплыло – про новорождённого?

Надо просыпаться.

Собственно, уже не сплю.

Тогда надо открыть глаза.

Страшно? Ах да, меня тогда напугала эта дура медсестра. Только бы она сейчас не пялилась на меня, как тогда...

Открываем глаза...

Прекрасно – я здесь один. Это называется палата, я помню. Интересно, я могу о чём-то подумать, если не знаю, как это называется? Вот я лежу в кровати. Рядом тумбочка. Рядом – это справа. Ага, я помню, где это – «справа». А слева должна быть капельница... Но вот её как раз нету. Как рука-то исколота... Но сейчас иглы нет. В палате всё должно быть белое. А здесь не белое. Если не белое, то какое?

Дерево, кругом дерево. Тёплое. Шкаф. Стол. Стул. Нет, правда, забавно! Откуда во мне всплывают эти слова? Я смотрю и называю. Я помню, как это называется...

Я помню.

Я не помню.

Ам-не-зи-я.

Что же это значит? Нет, не помню. Доктор назвал это слово и спрашивал, хотел ли я сказать то же самое? Не знаю.

Окно. Занавески. Дверь. Открывается.

Ну вот, теперь я не один...

– Доброе утро! Ну, как мы себя чувствуем?

Нина Андреевна, медсестра, напугавшая вчера меня своим взглядом в упор.

Вчера? Почему я решил, что это было вчера?

«Долго я спал?»

– Да целые сутки!

Вчера, всё-таки вчера... Какая однако эта Нина Андреевна... Бодрая. Улыбчивая. Жиз-не-ра-дост-на-я.

– Да так крепко спали, да так хорошо, что Владимир Николаевич снял все медикаментозные назначения...

«Какие назначения? Миди... ментоз...»

– Ах, господи, что ж я слова такие... Ведь Владимир Николаевич строго-настрого запретил... Да кто ж знает, какие вы слова помните, а какие нет? А я вот вам поесть принесла... Желудок-то, наверное, уже отвык... Пока вот вам только это можно... Вот через соломинку тяните...

Же-лу-док. Это в животе. Еда. Жидкая. Соломинка. Трубочка. Сосать. Глотать.

Нина Андреевна ходит вокруг. Заглядывает в глаза. Переставляет вещи с места на место. Су-е-тит-ся.

Устал.

Наконец-то она ушла.

Опять хочется спать.

Он сидит на стуле между кроватью и окном. За окном светло. А мне не видно его лица.

«Кто вы?»

– Друг.

Друг. У меня есть друг? Или он не мой друг? Вообще – друг. Такое бывает?

«Вы мой друг?»

– Да, я твой друг. Близкий друг. И ты тоже можешь говорить мне «ты».

«Ты.»

– Вот и славно. Так гораздо лучше.

«Я тебя не помню.»

– Такое бывает, ничего страшного. Я здесь как раз для того, чтобы помочь тебе вспомнить.

«Ты знаешь, как меня зовут?»

– Это не тот вопрос, с которого надо начинать. Ответ на

него не поможет тебе вспомнить.

«А с каких вопросов надо начинать?»

– Тебе не интересно, как зовут меня?

«Да. Как тебя зовут?»

– Меня зовут Андрей Гардези.

«Это тоже не помогает мне вспомнить.»

– Это нормально. Имена – это, знаешь ли, всего лишь символы...

«Сим-во-лы.»

– Не напрягайся. Мы начнём потихоньку.

«Мне не видно твоего лица. Может быть, оно мне что-нибудь напомнит?»

– Хорошо, я пересяду с другой стороны кровати... Так лучше?

«Да. Но твоё лицо мне ни о чём не напоминает.»

– Да? Жаль.

«Ты обиделся?»

– Вовсе нет! Я знаю, что мы только в начале пути. Но я верю, это не займёт так много времени, как думают врачи. Они вообще перестраховщики и тупицы.

«Пе-ре-стра-хов-щи-ки.»

– Именно. Этот Владимир Николаевич вообще не хотел пускать меня к тебе. Глушил тебя всякими лекарствами. Вообще чудо, что ты смог очнуться.

«Я хочу спать.»

– Вот и славно! Ты спи пока. Я ещё загляну.

– Посмотри на свои руки.

«Смотрю. Бледные. Слабые.»

– Расслабь их.

«Расслабил.»

– Сожми в кулаки.

«Сжал.»

– Разожми!

«Разжал.»

– Зажмурься! Открой глаза! Посмотри на руки!

«А!»

– Что? Что?

«У меня кровь на руках, Андрей!»

– Тише, тише! Нет там никакой крови.

«Но я же видел...»

– Ты не видел. Ты вспомнил.

«Что это за кровь? Откуда? Почему? Что случилось?»

– Всё, на сегодня хватит. Спи!

«Андрей, почему на моих руках была кровь?»

– Не будем сегодня об этом.

«Почему не будем? Я же хочу вспомнить! Ты обещал помочь!»

– Это воспоминание тебе только мешает. Оно последнее, а значит, может заслонить всё прочее. А ведь остальное тоже надо вспоминать... Согласен?

«Ну... не знаю.»

– Хорошо. Будем считать, что согласен. Значит, глядя на руки, ты видишь кровь... Хорошо, давай попробуем что-нибудь другое.

«Давай.»

– Посмотри, во что я одет.

«Одежда?»

– Это называется костюм. А это галстук. Это пиджак...

«Галс-тук. Пид-жак»

– Да. Его одевают на работу или в торжественных случаях. Видишь, вот так застёгивается пиджак. Вот так оправляются манжеты. Вот так поправляется узел галстука... Попробуй повторить эти движения руками...

«Не получается.»

– Закрой глаза. Не спеши. Расслабь руки... Вот так. Давай ещё раз.

«Так?»

– Да, так. Теперь сделай это быстро. Не задумываясь.

«Ой!»

– Что?

«Я вспомнил, как завязывается галстук!»

– Неудивительно. Ведь ты делал это каждое утро.

«Я носил костюм, Андрей?»

– Да, каждый рабочий день.

«А кем я работал?»

– Твоя должность тебе ничего не скажет. Не торопись. Вот погляди на это.

«Это... моё?»

– Да, это твоё. Это называется портфель.

«Порт-фель.»

– Да. Красивый?

«Не знаю. Наверное. Блестит.»

– Да, это дорогая чёрная кожа. Вот смотри. Вот так он открывается, а вот так закрывается. Внутри носят важные бумаги. Документы.

«До-ку-мен-ты.»

– Вот так их достают из портфеля. Вот так кладут внутрь. Слышишь, как шуршит бумага?

«Слышу.»

– Закрой глаза. И продолжай слушать, как шуршит бумага. Этот шум ты тоже слышал каждый день.

«А это что за звук?»

– А вот так бумагу рвут. Тебе иногда приходилось это делать...

«Вот так?»

– Именно. Двумя руками вдоль листа. А ведь я тебе этого не показывал...

«Это было не так сложно вспомнить.»

– Это вообще не сложно. Не бойся.

«Мне почему-то страшно.»

– Я же сказал – не бойся.

– Возьми мою руку... Нет, правой рукой. Обхвати ладонью мою ладонь.

«Вот так?»

– Да. Жми крепче. Это называется пожимать руку. Рукопожатие.

«Рукопожатие.»

– Да. Ты делал это много раз за день.

«А кому я пожимал руку?»

– Всем, с кем встречался. Закрой глаза и начинай пожимать мою руку. И улыбайся. Что ты видишь?

«Лица. Они мне тоже улыбаются.»

– Лица? Вот и славно.

«Снова пожимать тебе руку?»

– Да. Только не закрывай глаза. Смотри сюда. Вот на эту фотографию.

«Вот на эту? Кто это?»

– Смотри на фотографию, не отрывая взгляда. Представь, что ты пожимаешь руку этому человеку.

«Кто это?»

– Его зовут Егор Воробьёв. Всё, отпусти мою руку. А теперь зажмурься. Открой глаза. Смотри на свои руки. Его звали Егор Воробьёв. Смотри на свои руки! На них его кровь. А теперь вспомнил своё имя?

Главный врач Владимир Николаевич завершал обход, когда в палате номер 1 раздался дикий вопль. Из двери палаты в коридор буквально вывалился пациент и упал на четвереньки. Завидев Владимира Николаевича, он вскочил, с обезумевшим взглядом бросился к главному врачу и закричал:

– Доктор, я вспомнил!

Утром следующего дня в кабинете главного врача пациент из палаты номер 1 тусклым голосом вёл свой рассказ. Его слова записывал следователь, которому Владимир Николаевич для этой цели уступил свой рабочий стол. В кабинете, помимо самого Владимира Николаевича, также присутствовал адвокат. Наконец, у окна стоял Андрей Гардези – человек, щедро оплативший пребывание пациента из палаты номер 1 в этой загородной психиатрической клинике в обмен на возможность посещать своего подопечного в любое время. Глядя на Гардези, Владимир Николаевич остро переживал тягостные сомнения, пытаясь ответить на вопрос, этично ли было позволять этому человеку сделать то, что он сделал. Тот факт, что Гардези это позволение хорошо оплатил, только усиливал душевные страдания Владимира Николаевича.

– Ознакомьтесь и распишитесь, – сказал следователь, когда пациент из палаты номер 1 закончил.

Тот расписался в протоколе.

– На сегодня хватит, – хмуро произнёс адвокат. – Прошу отпустить моего подзащитного в палату.

– Ради бога, – пожал плечами следователь. – Мера пресечения – подписка о невыезде, так что мы подождём выписки из больницы.

Владимир Николаевич вызвал Нину Андреевну. В сопро-

вождении медсестры и адвоката пациент из палаты номер 1 вышел из кабинета, опустив голову.

Дождавшись, когда уйдёт и следователь, Владимир Николаевич подошёл к окну и встал рядом с Гардези.

– Думаете, так всё и было, как он рассказал? – спросил главный врач.

– Думаю, да, – ответил Гардези. – Егор Воробьёв мог спасти свой бизнес, только договорившись с ним. Егор занял очень много денег у всех своих друзей, в том числе и у меня, но разрешить воспользоваться этими деньгами, несмотря на просрочку, мог только этот человек. Он был основным кредитором, и у него был весь залог. Егор принёс ему проект мирового соглашения, а тот просто разорвал бумагу у него на глазах. Наверное, Егор был уже на грани и сорвался...

– Застрелился прямо в его кабинете... – пробормотал Владимир Николаевич и сокрушённо покряхтел. – Вы, бизнесмены, совсем недооцениваете опасность стрессов...

– Возможно. – Гардези отвернулся от окна и присел на подоконник. – Пожалуй, это действительно стресс, когда начинаешь забывать, что в жизни важнее. – Гардези вздохнул. – Разве не глупо, что Егор оценил потерю бизнеса выше собственной жизни? А этот... – Гардези на мгновение запнулся, словно пытаясь сдержать какое-то слово, и сдержался, – мог спасти Егора, подписав мировую, а вместо этого потерял рассудок, когда его забрызгало чужой кровью...

– Шок и амнезия – это ещё не потеря рассудка, – поправил

его Владимир Николаевич.

– Как угодно.

– Ну а вы? – спросил Владимир Николаевич.

– Что – я? – вскинулся Гардези.

Владимир Николаевич сел на подоконник рядом с Гардези.

– Мне даже страшно за вас, Андрей Викторович. Вы хотя бы понимаете, какой душевный груз на себя взяли? Так и вам недолго моим пациентом оказаться...

– Не дождётесь, – обронил Гардези, и Владимиру Николаевичу показалось, что это было сказано вовсе не ему.

– Честно говоря, – нерешительно пробормотал Владимир Николаевич, – не могу простить себе, что позволил вам устроить этот чудовищный эксперимент над больным...

– Но он же сработал, – мрачно отозвался Гардези.

– В этом вам повезло, если вообще можно так выразиться. – Владимир Николаевич снял очки и потёр указательным и большим пальцем переносицу. – Вы ведь назвали его другом...

– Моим другом был Егор Воробьёв, – сквозь зубы сказал Гардези. – Я не мог позволить тому, кто довёл его до самоубийства, укрыться в этой вашей амнезии.

– Это жестоко, – покачал головой Владимир Николаевич, надевая очки.

Гардези поднялся и посмотрел на врача сверху вниз.

– Да бросьте вы, доктор! – отрывисто сказал Гардези. –

Вы что, не понимаете? Этот ваш пациент, скорее всего, и в тюрьму даже не сядет, несмотря на своё признание. Да, я не позволил ему спрятаться хотя бы от своей совести. Но лучше уж жить так, чем провести остаток жизни беспмятным овощем в вашей клинике! Так что с моей стороны это было очень даже по-дружески...

– Не уверен, что это для него лучше, – возразил Владимир Николаевич.

– Жизнь лучше любой амнезии, доктор. Прощайте. Спасибо вам за помощь.

– Прощайте, Андрей Викторович, – проговорил Владимир Николаевич. – Вы уж берегите себя. Может быть, вы и добились справедливости, но легче никому не стало... и прежде всего самому вам.

Гардези нахмурился, хотел было что-то сказать, но передумал и стремительно вышел. Владимир Николаевич смотрел ему вслед в окно до тех пор, пока шагающая неровной и слегка пошатывающейся походкой фигура не скрылась из виду за железными воротами.

2005

Семь слов

Однажды автору предложили написать рассказ с использованием семи нарицательных слов (или производных от них), которые ему назовут тут же наобум. С этими словами оказалось сложно с ходу придумать оригинальный сюжет, и тогда автор сдался и использовал неоригинальный сюжет, но зато в своё оправдание семикратно перевыполнил задачу – применил все заданные семь слов (или производные от них) не просто в рассказе, а в каждой из семи глав рассказа.

1

Вечерело. Море ещё освещалось закатным солнцем, но в небе уже виднелась бледная луна. Дул вечерний бриз, от которого деревья в саду шумели листвой, а плетёные кресла, сложенные ровным штабелем у садовой беседки, еле слышно поскрипывали.

Девушка с лейкой в руках сосредоточенно поливала клумбы с крыльца небольшого одноэтажного домика. Время от времени она бросала прищуренный взгляд в сторону моря. Правда, там не было ничего заслуживавшего внимания, кроме, может быть, стайки дельфинов, прыгавших по волнам вдали у горизонта. Но что-то заставляло девушку всё чаще и чаще всматриваться в темнеющую гладь моря и нетерпеливо переводить взгляд на наручные часы.

Наконец, присмотревшись, она увидела нечто, что заставило её радостно вскрикнуть и выронить лейку из рук прямо посреди крыльца.

– Дюк! – со счастливой улыбкой прошептала она.

2

Обернувшись, Дюк бросил последний взгляд на девушку, тяжело вздохнул и закрыл за собой дверь. Уже стемнело, с моря ощутимо веяло холодным ветерком, а над горизонтом, мутно проблёскивая сквозь полупрозрачные облака, светила огромная полная луна.

Дюк запахнул куртку, аккуратно перешагнул через брошенную прямо посреди крыльца лейку и быстро зашагал к пирсу через сад по выложенной плиткой дорожке. Он невольно отметил, как тщательно ухожен сад, а дорожка подметена до идеальной чистоты, если не считать нескольких опавших листьев.

– Райский уголок! – пробормотал Дюк себе под нос с неожиданной горечью.

Дорожка перешла в ступеньки, ведущие вниз на пирс, к которому был пришвартован быстроходный прогулочный катер «Дельфин», гордость Дюка. Спрыгнув на борт прямо с причальных подмостков, Дюк отвязал швартовочный трос и медленно опустился в кресло перед штурвалом.

Некоторое время он сидел, глядя прямо перед собой. Волна ударила в борт катера, Дюк вздрогнул, тряхнул головой и завёл двигатель.

Описав дугу, катер взревел и понёсся прочь.

3

Следователь подошёл к патрульному и показал удостоверение. Хотя луна светила достаточно ярко, патрульный всё же ослепил фонариком, сличая личность.

– Да я это, я! – раздражённо бросил следователь и был пропущен, наконец, к месту происшествия.

Он поднялся по крыльцу небольшого одноэтажного домика и вошёл внутрь. Там уже работала следственная бригада. В прихожей курил угрюмый судмедэксперт.

– Труп? – спросил следователь. – Криминальный?

– Труп, – подтвердил судмедэксперт. – Криминальный или нет, пока не могу сказать. Жду, чтобы отвезли тело в морг. Вскрытие покажет...

Следователь кивнул. Осторожно ступая по полу и внимательно глядя себе под ноги, он прошёл в комнату, где оперативник и криминалист проводили осмотр.

– О, тебя вызвали? – вместо приветствия сказал ему оперативник. – Подняли с постели?

– Угу, – мрачно промычал в ответ следователь, доставая из портфеля бланки протокольных листов. – Сегодня день сумасшедший, пожар в дельфинарии... Дежурный прокурор зашивается, вот меня и дёрнули...

– Не ворчи, – добродушно сказал оперативник и подмигнул. – Грех тебе жаловаться. Говорят, скоро пересядешь в

кресло заместителя прокурора города? Будешь других посылать в ночное дежурство и получать от работы сплошное удовольствие...

– Ага, море удовольствия, – мрачно ответил следователь. – Хватит болтать. Ну что, здесь картина ясная?

– Картина – да, а вот насчёт сюжета не уверен, – отозвался криминалист. – Сам видишь – мёртвая девушка на полу... Никаких видимых повреждений... В помещении образцовый порядок...

Криминалист защёлкал фотокамерой, озаряя комнату слепящей вспышкой.

– Пора бы завести нормальный фотоаппарат, – буркнул следователь, морщась и жмурясь. – До сих пор своей старой «Лейкой» пользуешься?

– Старый конь борозды не испортит, – наставительно заметил криминалист. – Ты будешь тело сам осматривать или поверишь нам на слово?

Следователь сидел в гостевом кресле и наблюдал, как судмедэксперт поливает свои уродливые кактусы в горшочках из миниатюрной лейки, выполненной в виде фигурки дельфина. Из дельфиньей пасти тонко лился ручеек воды.

Следователь зевнул и переспросил:

– Значит, самоубийство?

Судмедэксперт, не оборачиваясь, пожал плечами.

– У меня нет оснований считать, что есть криминал, – сказал он. – Впрочем, если у тебя много свободного времени, можешь покопаться... Между прочим, она была беременна. Второй месяц. Можешь порасследовать...

– Ты же знаешь, что суицид меня вполне устроит, – проворчал следователь. – Как наступает полнолуние, так у нас по статистике всегда несколько самоубийств... Ты что-нибудь слышал про влияние фаз Луны на психику беременных девушек?

– Я слышал, что Луна влияет на морские приливы и отливы, – ответил судмедэксперт. – Ты мне голову не морочь. Если тебя суицид устраивает, тогда возьми заключение на столе, я его уже с утра подготовил...

Следователь, не вставая с кресла, протянул руку и взял листок бумаги со стола.

– Спасибо, – сказал он. – Подошью – и в архив.

Дюк медленно подвёл свой «Дельфин» к знакомому пирсу. Море было беспокойно, и, чтобы катер не снесло, пришлось даже встать с кресла и рулить очень аккуратно.

Пришвартовавшись, Дюк поднялся на причал и не спеша зашагал вверх к дому.

За эти дни как будто ничего не изменилось. Тот же сад, пока ещё выглядящий ухоженным, та же дорожка, которую пока не занесло листьями и песком. Только сейчас светила не луна, а нежаркое утреннее солнце.

Лейка так же валялась на крыльце.

Дюк снова, как и той ночью, перешагнул через лейку и ключом открыл дверь. Войдя, он сразу прошёл в комнату.

Долго стоял, глядя на выведенный мелом на полу силуэт лежавшей тут мёртвой девушки.

– А ну стоять, не двигаться! – услышал он за спиной и вздрогнул.

Медленно обернулся.

Уставив на него пистолет, на пороге стоял оперативник.

– Черт бы тебя подрал! – рявкнул тот, опуская оружие. – Что ты здесь забыл, Дюк? Ты же вроде закрыл дело?

– Закрыл, – отозвался Дюк, переводя дыхание. – Но хотел кое-что уяснить для протокола, прежде чем сдавать в архив...

– А-а... Извини, что напугал, – ухмыльнулся оперативник, убирая пистолет в кобуру. – Вот совпадение! Я тут тоже как раз решил... – Оперативник спохватился. – погоди, а откуда у тебя ключи?

– Дубликат сделал, – пояснил Дюк. – Чтобы тебя не дёргать, если вдруг придётся следствие вести...

– Ты у нас всегда был предусмотрительным, – одобрил оперативник. – Не зря в зампрокурора метишь!

– Хватит распускать слухи! – беззлобно огрызнулся Дюк. – Сглазишь ещё...

– А ты что же, пешком сюда добрался? – удивился оперативник, глядя в окно. – Что-то я твоей машины не видел...

– На катере, – неохотно признался Дюк. – Тут пирс есть... Мне по морю ближе.

6

Криминалист сидел в гостевом кресле, судмедэксперт поливал свои кактусы из лейки-дельфина, а оперативник, усевшись прямо на столешнице, нервно складывал лист бумаги пополам и ещё раз пополам, и ещё...

– Ты совсем с катушек съехал? – не оборачиваясь, осведомился судмедэксперт у оперативника.

– Я тебя ещё раз спрашиваю, – упрямо проговорил оперативник, – мы сможем установить отца ребёнка этой убитой девушки?

– Да с чего ты взял, что она убита? – устало спросил криминалист.

Оперативник отмахнулся от него и, глядя в спину судмедэксперта, произнёс:

– Ну? Сможем?

Судмедэксперт обернулся.

– Ну, теоретически сможем. Только это дорого и муторно. И нужен биологический материал предполагаемого отца. И придётся подождать с разрешением на захоронение тела. Как ты всё это осуществишь без ведома следователя?

– Это моя забота, – сказал оперативник и повернулся к криминалисту. – А тебе придётся проползать по всему дому в поисках отпечатков пальцев, волосков и прочего...

– Это бред, – отрезал криминалист. – А даже если в него

поверить, то Дюк там был на осмотре, а следовательно, что бы мы там ни нашли, это ничего не значит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.